

МИЛАНА УСМАНОВА

ОБЕСЦЕНЕННАЯ

Я разведусь с тобой, поглыб!

Милана Усманова

**Обесцененная. Я
разведусь с тобой, подлец!**

«Автор»

2026

Усманова М.

Обесцененная. Я разведусь с тобой, подлец! / М. Усманова —
«Автор», 2026

Я вставала в пять утра, мыла полы в магазине, развозила чужие заказы, убирала номера в дешёвом отеле с громким названием и по ночам зубрила законы, пряча в рюкзаке белую блузку для собеседований. Я тянула ипотеку, детей и брак, который давно держался только на моей выносливости. Муж уверял, что спасает семью, работая без отдыха, но одна случайная смена в отеле разрушила эту удобную ложь до основания. У меня нет связей, денег и права на ошибку. Зато есть злость и слишком хорошее знание того, как легко сильные давят тех, кто слабее. Когда мне, наконец, дали шанс войти в юридическую профессию, я поняла: это не просто работа. Это способ вернуть себе имя, дом и жизнь, которую у меня отнимали годами.

© Усманова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Милана Усманова

Обесцененная. Я разведусь с тобой, подлец!

Глава 1

Я проснулась за минуту до будильника.

Так бывало часто. Организм уже не ждал сигнала, сам выталкивал меня из сна, пока в квартире стояла тишина и можно было успеть прожить кусок дня без чужих голосов. За окном было темно... Как и в комнате, только цифры на часах светились зелёным: 4:55.

Я лежала ещё несколько секунд, прислушиваясь к тишине дома. Муж лежал рядом на спине, закинув руку на подушку, и храпел короткими злыми рывками, будто дажево сне с кем-то спорил.

Я осторожно выбралась из-под одеяла, нащупала ногами тапки и пошла на кухню, придерживая дверь спальни, чтобы не скрипнула.

Первые задачи каждого утра были одни и те же: чайник, свет над плитой, контейнер с кашей из холодильника. Я готовила с вечера, иначе утром ничего бы не успела. Овсянка для сына, макароны с котлетой дочери в школу, мужу бутерброды с колбасой и отдельно варёные яйца, потому что «банковский день длинный, мне надо нормально поесть». Мне всё то, что останется и что влезет в контейнер, который не протечёт в рюкзаке.

Я открыла холодильник и машинально прикинула остатки: полпачки масла, две сосиски, молоко на донышке, творог уже надо было съесть сегодня, огурец подвял, но на салат ещё годился. Котлет оставалось три. Одну сыну после школы, одну дочери на ужин, одну разрезать пополам: часть мужу на работу, часть мне, главное успеть её съесть, а точнее не забыть её съесть.

На подоконнике лежала тетрадь по гражданскому праву. Я вчера чуть не уснула прямо на ней. На полях ручкой было выведено: «имущество, полученное до брака, — личная собственность супруга». Подчёркнуто два раза. Я пристальнее посмотрела на эту строчку... Где-то люди знали, что им принадлежит, и могли это доказать. У меня из доказательств была только моя память.

Чайник закипел. Я выключила его раньше, чем он успел заорать на всю кухню, и перелила кипяток в термос. Крышка термоса стала заедать, надо было менять, но руки не доходили и денег тоже не хватало. Я постучала по крышке ручкой ножа, провернула, закрутила.

Пока грелась каша, я достала телефон и открыла приложение банка. Зарплата горничной должна была прийти только через три дня. За магазин у дома хозяйка переводила по пятницам наличными, курьерка -- раз в неделю, и постоянно с задержкой на день-два. До зарплаты мужа оставалось пять дней, но зарплата мужа давно перестала быть нашей общей зарплатой. Она проходила через квартиру, как гость, снимала ботинки у порога и тут же уходила неизвестно куда.

На счету было семь тысяч триста сорок два рубля. До конца недели надо было заплатить за продлёнку сына, купить проездной дочери, пополнить телефон, отложить на ипотеку и не умереть с голоду. Я закрыла приложение и пошла будить сама себя дальше: умываться ледяной водой, потому что горячую ночью всегда отключали.

В ванной зеркало отдавало тусклой желтизной. Под глазами у меня были две серые полу-дуги, а в висках заныло привычной болью. Волосы собрала в тугий хвост и посмотрела на себя без всякой жалости. Жалость по утрам мешала. С нею всё расплзалось из рук.

Пока дети спали, успела вымыть сковороду, нарезать хлеб, собрать два ланч-бокса, налить воду в бутылку сыну, найти чистый носок под батареей и поставить стиральную машину

на короткий цикл. Белая блузка висела на дверце шкафа. Я надевала её не дома. Аккуратно сложив блузку в рюкзак, устало вздохнула, хотя день ещё даже толком и не начался.

В пять двадцать я разбудила дочь.

— Маш, вставай.

Она укрылась с головой.

— Мам, ещё пять минут.

— Тогда без бутерброда и с грязной головой.

Из-под одеяла высунулась рука и показала мне средний палец. Я вяло хмыкнула:

— Неубедительно. Вставай.

Маше было четырнадцать, и последнее время она разговаривала так, будто я лично придумала школу, прыщи, географию и вообще понедельники, при этом она всё же пусть и с трудом вставала, сама собиралась и успевала одеть брата, и сама же вела его в школу до двери класса. Поэтому я не злилась на вот эти её подростковые вспышки, она делала многое, что облегчало мне жизнь и экономило время.

Сына будить было тяжелее. Он прилипал к подушке всем телом, как маленький осьминог.

— Артём, солнышко, давай.

— Не пойду.

— Пойдёшь.

— У меня

живот болит.

— У тебя математика первой.

Он приоткрыл левый глаз:

— Тогда точно живот.

Я поцеловала его в лоб, и он, вяло отмахнувшись, поморщился в полусне.

— Вставай, я тебе кашу с бананом сделала.

— А сахар положила?

— Пол-ложки.

— Целую.

— Пол-ложки.

Он сел на кровати и захныкал от обиды на устройство мира. У меня иногда было такое же лицо по утрам, только без права расплакаться.

Когда дети уселись на кухне, пришёл муж. Он вышел в трусах, почесал живот и первым делом спросил:

— Кофе есть?

— Растворимый.

— Опять. Я же просил нормальный купить.

Я не ответила. Он открыл банку, понюхал, скривился.

— Ты на что деньги тратишь вообще? Всё время одно и то же.

Промолчав, начала вытирать со стола крошки. Если ответить, разговор потянется, как жвачка с подошвы. Если не отвечать, он мог побубнить ещё минуту и переключиться.

— Рубашку мою погладила?

— На спинке стула.

— Галстук где синий?

— В шкафу, справа.

— Справа где? У тебя вечно всё «справа».

Я прошла к шкафу, достала галстук и протянула ему. Он взял, даже не взглянув на меня и не поблагодарив.

Дочь ковыряла макароны и смотрела в телефон. Сын жевал кашу с лицом, будто его предали. Я налила мужу кипяток в кружку и поставила рядом тарелку с бутербродами.

— Колбаса опять эта? — буркнул недовольно он. — На работе люди приносят нормальную еду, а я как студент.

— Люди на работе, может, не платят ипотеку, — заметила я.

Он посмотрел на меня с тем выражением, которое у него появлялось в последнее время всё чаще: смесь усталости, раздражения и уверенности, что я его подвела одним фактом своего существования.

— У тебя настроение с утра уже того? Я, между прочим, вечером опять выйду таксовать. Чтобы вам всем здесь было что есть.

Слово «вам» он всегда произносил отдельно. Как будто он жил не с нами, а напротив, и иногда из сострадания заносил деньги.

— Спасибо, — вздохнула я, сил что-то ему возражать не было.

Это было самое безопасное слово. Короткое, пустое и не обязывающее. В шесть ноль пять я уже закрыла за собой дверь. На мне была старая дутая куртка, чёрные джинсы, кроссовки с потёртым носом. В рюкзаке лежали перчатки, влажные салфетки, контейнер с едой, термос, тетрадь, белая блузка, пиджак, папка с резюме в файле, зарядка, обезболивающее, запасные колготки и маленькая косметичка, где хранилась помада телесного цвета. На собеседованиях она должна была изображать, что я собранная взрослая женщина с карьерными перспективами, а не курьерка, у которой между доставкой роллов и уборкой номера - всего лишь час сорок на попытку стать кем-то другим.

На лестничной площадке пахло варёной капустой и сыростью. На втором этаже кто-то уже курил у открытого окна. Я вышла во двор, где фонарь ещё горел мутным шаром, а снег у бордюра почернел и осел. Был конец марта, то время, когда всё вокруг выглядело не весной, а изношенностью.

Магазин у дома находился через два двора. Маленький, круглосуточный, с вывеской «Продукты 24», где половина ламп, должных подсвечивать название, не работала. Я приходила туда к шести пятнадцати, чтобы успеть помыть полы до первых покупателей, протереть холодильники, вынести мусор и помочь, если нужно, разгрузить хлеб.

Хозяйка магазина, тётя Лида, была женщиной с крашеными чёрными волосами, тяжёлым золотым крестом и привычкой считать, что если она с кем-то здоровается ласково, то уже благодетельница.

— Яниночка, ты сегодня пораньше, — сказала она, когда я вышла с ведром из подсобки.

— Так и пришла как всегда, — пожала плечами я.

— Нет, сегодня прямо молодец. Смотри, там возле молочки кто-то йогурт разбил. И лоток с яйцами протри, опять пыль. У нас приличный магазин.

Приличный магазин выглядел так, будто его всю жизнь ремонтировали остатками с чужих ремонтов. На полу местами лежала новая плитка, местами старая. Потолок в одном углу был в разводах. Возле кассы стояла ваза с пластиковыми тюльпанами.

Я закатала рукава, налила в ведро воды, плеснула дешёвого средства с запахом хвои и пошла по привычному маршруту. Сначала вход и проход к молочке, затем бакалея, потом возле пива, где липло сильнее всего. Тряпка в руках быстро темнела от грязи, спина нагибалась в знакомый угол, и тело само знало, где повернуть швабру, где отжать, где пройти два раза. За первые десять минут я обычно просыпалась окончательно. Я домыла ряд с овощами, вынесла два мешка мусора и вернулась к лотку с яйцами. Кассирша Светка уже пришла, сидела на табурете, красила ресницы и жаловалась на мужа в телефон.

— Нет, ты мне скажи, если у него зарплата десятого, где деньги двенадцатого? Я что, ясновидящая?

Я невольно усмехнулась. Тема была знакомой, только у каждой из нас был свой жанр бедствия.

В шесть пятьдесят тётя Лида выдала мне тысячу рублей авансом.

— Смотри, больше пока не могу. Эквайринг всё съел.

Я кивнула, убрала деньги в кошелек и вышла. Не было смысла уточнять, что «эквайринг» у неё съедал деньги выборочно, а новый телефон она купила себе без задержек.

Курьерская смена начиналась в семь тридцать. До точки выдачи было десять минут пешком. Я шла быстро, жуя на ходу холодный бутерброд из обрезка батона и сыра, и чувствовала, как поясница уже ноет, хотя день ещё даже не начал меня бить по-настоящему.

Курьерка у меня была без оформления. Формально я значилась самозанятой, по факту же бегала с чужими пакетами за копейки и с трудом терпела приложение, которое всегда показывало, что я опаздываю, даже когда клиент сам дважды менял адрес.

В пункте выдачи сидел Васька, парень лет двадцати с синими волосами и кольцом в носу. Он вяло глядел на всех и жил в состоянии мягкой отрешённости.

— Ян, у тебя сегодня два цветочных и один аптечный. Потом смотри по месту, могут докинуть.

— Поточнее...

— Один на Новой, один в башне возле рынка, аптечка на Транспортной. Там срочно, бабушка орёт уже с полчаса.

— Заказ с оплатой?

— Всё оплачено. Только по цветам аккуратно, там какие-то шляпные коробки.

Я взяла первый заказ: коробку с пионами, завязанную лентой цвета мокрой пудры, — и вышла на улицу. От неё пахло теплицей и чем-то дорогим, к моей куртке этот запах совсем не подходил. В автобусе на меня брезгливо посмотрела женщина с маникюром в длинном бежевом пальто. Сначала на коробку, потом на мои кроссовки, опять на коробку. Хотелось спросить: «Чего пялишься? Если не нравятся такие пассажиры, как я, тогда чего села в общественный транспорт?», но я снова промолчала.

По утрам город был особенно бессердечен. Люди ехали с одинаковыми лицами, держа в руках телефоны и кофе, и каждый сидел внутри своей маленькой отдельной тревоги. Я стояла с цветами, не дыша на них, чтобы не помять лепестки, и думала о том, что тоже когда-то ездила просто на учёбу, а потом на обычную работу. У меня был маникюр без сколов, и волосы я красила не сама в ванной. Потом мама заболела, потом умерла бабушка, потом родился Артём, потом всё стало стоять в два раза дороже, чем мы могли потянуть, а я всё убеждала себя, что это временно.

Как оказалось, временное умеет задерживаться на долгие годы.

Первый заказ забрала девушка в шелковом халате. Она открыла дверь с полумокрыми волосами и сонным лицом, взяла коробку двумя пальцами, будто в ней была не красота, а что-то, что могло испачкаться.

— Подождите. Тут карточка есть?

— Должна быть внутри.

— А, всё. Спасибо.

«Спасибо» она сказала уже закрывая дверь.

Второй заказ был на семнадцатый этаж. Лифт в башнях у рынка ломался через день. В этот раз работал только грузовой, и я ехала в нём одна, среди запаха краски и железа. Цветы предназначались женщине по фамилии Гольцман. Она встретила меня в спортивном костюме и с такой энергией в голосе, будто я не доставила букет, а спасла её от пожара.

— Ой, наконец-то! Боже, какая красота. Девушка, а вы поднимали это пешком?

— Нет, лифт был.

— Вам повезло. У нас тут всё время ломается. Вы проходите, я вам воды дам.

— Спасибо, не надо, я спешу.

— Да хоть конфету возьмите.

Она сунула мне в руку карамельку и ещё долго улыбалась. Из всех людей за утро именно она сделала то, что больше всего напоминало нормальное человеческое обращение. Я положила карамельку в карман и почему-то чуть не расплакалась. От доброты я уставала даже сильнее, чем от грубости. Грубость привычнее.

Аптечный заказ ждала бабушка на Транспортной. Она открыла дверь сразу, будто стояла у глазка.

— Наконец! Я уже думала, вы там все сдохли.

— Доброе утро.

— Что доброго. Где мой инсулин?

Я протянула пакет. Она дёрнула его на себя, заглянула внутрь, пересчитала коробки.

— А шприцы?

— Должны быть внизу.

— А если не внизу?

— Тогда звоните по номеру в чеке, вам доведут.

— Конечно. Пока доведут, я тут и помру.

— Не помрёте, — сказала я устало. — Там всё есть.

Она посмотрела на меня прищурившись.

— У тебя голос как у учительницы. Только куртка не учительская.

— Какая есть.

— Работа тяжёлая?

— Нормальная.

— Врут все, кто говорит «нормальная». Ладно. Иди.

И я пошла. На лестнице пахло котлетами и кошачьим лотком. Где-то орал ребёнок. Телефон уже вибрировал новым заказом.

К десяти часам я сдала сумку, расписалась в ведомости за первые доставки и побежала в сторону отеля. По пути зашла в общественный туалет в торговом центре, где заняла самую дальнюю кабинку. Там я открыла рюкзак, достала влажные салфетки, быстро протёрла лицо, шею, подмышки, переобулась в балетки и натянула форму горничной: серое платье на молнии, белый воротничок, чёрный фартук. Волосы заколола в пучок. Куртку и кроссовки утратила обратно.

Когда я впервые проделала эту операцию, мне казалось, что я падаю куда-то ниже человеческого достоинства. Потом поняла, что достоинство — это роскошь для тех, у кого закрыты базовые платежи. Остальным остаётся скорость и аккуратность.

Отель «Гранд Престиж» стоял на боковой улице возле вокзала. На фасаде висела золотистая вывеска с завитками. Буква «ж» в слове «Престиж» не горела уже месяц, и по вечерам отель звался «Прести». Такое название ему шло больше. Внутри было много зеркал, искусственный мрамор на стойке и ковровый такой цвета, что на нём годами не было видно грязи.

Старшая горничная Тамара Петровна встретила меня в служебном коридоре с планшетоном.

— Янина, у тебя сегодня пятый этаж, номера с двенадцатого по двадцать первый. И один ранний заезд в пятнадцатый, там до двенадцати всё чтоб блестело. Ещё в девятнадцатом жалоба на полотенца, пересчитай.

— Поняла.

— И улыбайся, если гость на пути попадётся. У тебя лицо как будто ты их всех хочешь похоронить.

— Постараюсь.

— Не старайся, делай. У нас тут сервис по максимуму.

Сервис в «Гранд Престиже» означал, что ты должна выглядеть благодарной за право менять чужие простыни.

Я взяла тележку, где уже лежали стопки полотенец, чистое бельё, бутылочки с шампунем, пакеты для мусора, перчатки, средство для стекла, универсал, тряпки, бумагу для туалета, вода в мини-бары. Колёса тележки вели влево, и её всё время приходилось удерживать бедром. Пока поднималась в лифте, я по памяти перечисляла про себя статьи из семейного кодекса. Не потому, что собиралась сейчас их применять. Просто так мозг не превращался полностью в ветошь.

Двенадцатый номер освободили поздно. Молодая пара съехала, оставив после себя смятые простыни, коробку из-под пиццы, два бокала, на одном были отпечатки губной помады и использованный пластырь на тумбочке. Я собрала мусор, сняла бельё, встряхнула подушки, протёрла ванную, нашла под кроватью одну серёжку. Серёжки мы складывали в отдельный пакет с подписью номера и даты. Люди часто уезжали, не замечая, сколько мелочи они роняли: серьги, зарядки, бельё, таблетки, иногда паспорта. Чужая жизнь после выезда выглядела не так собранно, как при заселении.

В тринадцатом номере ночевал командировочный. После него остался запах дешёвого мужского парфюма, крошки от печенья на покрывале и туалет, который он, видимо, считал самозачищающимся. Я драила его с такой сосредоточенностью, с какой когда-то решала задачи по правоведению, и думала, что в моём расписании нет ни одной минуты, которая принадлежала бы только мне. Даже мысли я засовывала в промежутки между чужой грязью.

В четырнадцатом постояльцы ещё не выехали. Я постучала.

— Хаускипинг.

Изнутри кто-то рявкнул:

— Через двадцать минут!

— Хорошо.

Я отмечала в планшете пропуски и катила тележку дальше. В пятнадцатом номере ранний заезд должен был быть к полудню. Там всё было чисто только на первый взгляд. На второй нашёлся тональный крем на наволочке, засохшие брызги зубной пасты на зеркале, пыль на плинтусе и след чьей-то обуви на белом покрывале. Я работала быстро, но размеренно. Если начать суетиться, к концу смены наломаешь такого, что сама потом не расхлебаешь.

Около одиннадцати у меня началась знакомая дрожь в руках: первая волна усталости, когда тело спрашивает, точно ли мы сегодня опять всё это осилим? Я выпила из термоса чай в подсобке, присела на минуту на табурет и съела половину холодной котлеты. В коридоре за стенкой смеялись гости, катили чемодан, хлопнула дверь, зазвенел звонок ресепшена. Мир жил красиво и шумно где-то рядом, а у нас внизу, за дверью с табличкой «Персонал», стояли швабры, пахло хлоркой и разогретой лапшой из контейнера Тамары Петровны.

Телефон показал пропущенный от дочери. Я перезвонила.

— Мам, у Артёма завтра ИЗО, нужен цветной картон.

— Сегодня куплю.

— И ещё по английскому опять распечатка.

— Сколько страниц?

— Не знаю. Там в группу классная кинула. Ты можешь мне на карту скинуть сто рублей, я сама распечатаю возле школы.

— Смогу через час.

— И у меня проездной кончился.

Я закрыла глаза. На секунду. Не от злости на Машу. Просто чтобы цифры внутри головы перестали бегать кругами.

— Хорошо. Дойдёшь сегодня пешком?

— Ага, папа сказал, если что, на своих двоих полезно.

— Ясно.

Я помолчала.

— Мам, ты чего?

— Ничего. Учись давай.

— Ладно.

Я убрала телефон и доела котлету двумя быстрыми укусами.

К полудню спина уже горела. На тележке закончились большие полотенца, пришлось спускаться на склад. Там кладовщик Гена, мужик с вечной одышкой и шутками десятилетней давности, сидел на коробках и ел беляш.

— Янка, ты что худая такая? Муж не кормит?

— Ага. Всё тебе оставляет.

— Вот язва. Держи полотенца.

Он подал мне стопку. Я взяла и чуть не выронила. Запястья были ватные.

— Отдохнула бы ты, — сказал он неожиданно без шутки.

— Когда?

— Ну... не знаю. В воскресенье.

Я улыбнулась. У людей, у которых бывает воскресенье, всегда хорошие советы.

После обеда у меня в расписании стоял перерыв сорок минут. Этим перерывом я пользовалась не для отдыха. Сегодня на два часа у меня было назначено собеседование в юридическую фирму через три квартала от отеля. Я зашла в туалет для персонала, сняла форму, надела белую блузку, пиджак, колготки, аккуратно провела помадой по губам, распустила пучок и снова собрала волосы, но уже ниже и мягче. Из зеркала на меня смотрела женщина, которую можно было посадить напротив HR и сделать вид, что у неё всё более или менее ровно. Если не присматриваться к пальцам, потрескавшимся от химии. Если не приглядываться к теням под глазами.

Фирма располагалась в бизнес-центре со стеклянным входом и охранником. Я показала ему свой паспорт, поднялась на четвёртый этаж и села в приёмной.

Секретарь была в бежевом костюме, с жемчужными серьгами и тем видом, который особенно любят те, кому двадцать три и кто ещё не знает, что жизнь умеет опрокидывать очень быстро.

— Подождите, пожалуйста, — улыбнулась она мне дежурной ничего не значащей улыбкой.

Я ждала. Рядом на стеклянном столике лежали журналы про бизнес и интерьер. Вода в графине была с лимоном. Я смотрела на тонкий кружок лимона и думала, что, наверное, здесь даже лимон режут каким-то отдельным правильным ножом.

Меня пригласили через пятнадцать минут. Собеседование проводила женщина лет сорока с безупречной стрижкой.

— Янина Сергеевна, расскажите о себе.

Эта просьба всегда ставила меня в тупик. Какой именно кусок себя надо рассказать? Про то, что в девятнадцать я мечтала работать в суде? Про то, как за два часа могу сменить четыре вида труда и никого не подвести? Про то, что знаю порядок раздела имущества лучше многих теоретиков, просто пока без официальной практики?

Ответила нейтрально:

— Учусь на заочном юридическом, параллельно работаю, хочу перейти в профессию. Быстро учусь, ответственная, умею работать с документами.

— Где именно работали с документами?

— На текущей работе веду учёт расходников, журнал заселений иногда помогаю сверять, плюс самостоятельно готовлю учебные кейсы, заявления по образцам...

Она кивала вежливо, уже решив всё до моего ответа.

— У вас, к сожалению, нет профильного опыта.

— Я готова начать с помощника, с младшей позиции, с архива.

— Понимаю. Но нам нужен человек, которого не придётся долго адаптировать.

— Я быстро вхожу в работу.

— Верю. Но у нас высокий темп.

Я посмотрела на её идеальную блузку, на тонкие часы, на папку с моим резюме и вдруг ясно поняла, что словом «темп» она называет не то, что я. Для неё темп — много писем, дедлайны и клиенты. Для меня темп — успеть вымыть чужой унитаз, пока не пришёл следующий гость, и не забыть купить картон ребёнку.

— У меня тоже высокий темп, — вздохнула я устало.

Она впервые посмотрела на меня внимательнее.

— Не сомневаюсь. Но это другой опыт.

Я кивнула. Унижаться дальше не было смысла.

— Спасибо, что уделили время.

— Мы сохраним ваше резюме.

Я встала, криво улыбнулась уголком рта и вышла. В коридоре чуть не врезалась в мужчину в тёмно-синем костюме с папкой под мышкой. Он придержал дверь.

— Осторожно.

— Спасибо.

И всё. Обычный офисный мужчина. В туалете бизнес-центра я быстро стёрла помаду бумажной салфеткой, сняла пиджак и снова стала обычной горничной. До конца смены в отеле оставалось четыре часа.

Глава 2

Когда я вернулась, Тамара Петровна встретила меня так, будто я отсутствовала неделю.

— Где ты ходишь?! В семнадцатом уже скандал, им халаты не положили.

— Я положила утром.

— Значит, украли. Иди, разруливай.

В семнадцатом жила пара из тех, кто говорит с обслуживающим персоналом слишком громко, буквально на повышенных тонах, будто вежливость для них оплачивается отдельно. Мужчина стоял у двери в одних шортах, женщина сидела на кровати и листала телефон.

— Девушка, мы второй раз просим халаты! — противно взвизгнул он, завидев меня. — Что у вас здесь за уровень?

— Сейчас принесу.

— И воду. У нас мини-бар пустой.

— Пополню.

— Мы, между прочим, не в хостел приехали.

Я молча кивнула. На языке вертелось многое. Но ни одно из этих слов не оплачивало мне ипотеку.

К шести вечера я закончила пятый этаж, подписала ведомость у администратора, переоделась обратно в куртку и пошла за детьми. Ноги гудели так, будто внутри икр кто-то натянул проволоку. В метро было душно. Я стояла у двери, держась одной рукой за поручень, другой листала в телефоне объявления о вакансиях: помощник юриста, ещё помощник юриста, младший специалист с опытом от года, от двух лет, от трёх. Иногда хотелось написать честно: «Опыт выживания – десять лет. Опыт видеть враньё – без ограничений. Опыт не падать после четырёх работ подряд – имеется». Но рынок труда таких преимуществ не понимал.

По пути я зашла в канцтовары, купила цветной картон, два простых карандаша и клей. На кассе в продуктовом долго стояла с корзинкой, вынимая и возвращая вещи. Мандарины — нет. Йогурт сыну — один, не четыре. Сметану — маленькую баночку. Колбасу снова взяла по акции. На хлебе сэкономить не получилось. Хлеб подорожал снова.

Домой мы пришли в семь двадцать. Маша молчала, гремела обувью в коридоре. Артём ныл, что устал и хочет мультики. Я поставила пакет на табурет, вымыла руки, поставила кастрюлю со вчерашним супом на плиту, достала котлеты, начала резать салат из того самого подвявшего огурца и двух помидоров. Дочь встала рядом, молча вытаскила тарелки.

— Что в школе? — спросила я.

— Нормально.

— Контрольную написала?

— Написала.

— Как?

— Не знаю.

Я посмотрела на неё. Она резала хлеб длинными тонкими ломтями, как взрослая.

— Маш.

— Что?

— Ничего. Просто не рычи.

— Я не рычу.

Она рычала, но у меня не было сил сейчас разбирать её подростковую броню по винтику. Артём сел за стол с картоном под мышкой.

— Мам, завтра надо ещё принести листья.

— Какие листья?

— Любые. На поделку.

— Где я тебе в марте листья возьму?

Он подумал.

— Бумажные?

— Бумажные сам вырежешь, — фыркнула Маша.

Вскоре сели за стол и принялись за ужин. Артём вылавливал картошку и оставлял бульон. Маша ела быстро, не поднимая глаз от телефона, который я всё-таки забрала и положила на холодильник. Из ванной донёлся писк стиральной машины: утренняя стирка давно закончилась, но развесить я не успела.

Муж пришёл в восемь. На нём была чистая рубашка, от него пахло дорогим одеколоном и табаком. Банковский менеджер после трудного дня, который потом ещё поедет таксовать. Он бросил ключи на тумбу и с порога спросил:

— Есть что поесть?

Я стояла у раковины, намыливая кастрюлю.

— Суп, котлеты, салат.

— Опять суп. Я умираю на работе, прихожу домой, а тут суп.

— Можешь заказать себе стейк, — злобно окрысилась на него Маша.

Он посмотрел на дочь холодно вскинув брови.

— Ты бы лучше за языком следила.

— А ты за тоном, — буркнула она.

— Мария, — сказала я тихо.

Она оттолкнула стул и ушла в комнату.

Муж сел за стол, попробовал суп и поморщился.

— Солёный.

— Нормальный.

— Для тебя, может, и нормальный. Я не понимаю, почему нельзя раз в неделю приготовить что-то человеческое.

Я вытерла руки и обернулась.

— Что именно “человеческое”?

— Не знаю. Мясо. Рыбу. Запеканку какую-нибудь. У всех жёны как жёны. Приходишь, а дома еда, порядок. А у нас ты вечно как загнанная лошадь на последнем издыхании, и пользы от тебя ноль.

Последнюю фразу он произнёс буднично. В этом и была его сила. Он умел унижать так, будто сообщает о чём-то очевидном. Я поставила кастрюлю сушиться и спросила:

— Зарплата когда?

— Пятого.

— Нам раньше надо за ипотеку.

— Я знаю.

— На продлёнку, проездной, кружок Артёма...

— Я знаю, Янина. Не надо мне списки читать. И так один всё тяну. Ты бы лучше нормальную работу нашла.

— А то, что я пашу на стольких что? Не работа?

— Это всё туфта малооплачиваемая.

— Тебе смешно?

Я требовательно заглянула ему в лицо. Очень хотелось высказать всё: про магазин в шесть утра, про коробки с пионами. Про отель с его халатами и чужими унитазами. Про собеседование, на котором мне опять объяснили, что я не из того теста. Про то, что «один всё тяну» — это удобная легенда для человека, который давно перестал замечать, как на самом деле живут люди под одной с ним крышей.

Но дети были рядом. И я знала: если сейчас начну, они будут слушать, а потом годами носить это в себе.

— Мне вот не смешно, — не дождавшись от него ответа, я ответила сама. — Я устала.

— От чего? Драить полы?

Он произнёс это с такой брезгливостью, что я на секунду перестала дышать.

— Да. От этого тоже. Иди поработай в моих кроссовках день, я посмотрю, как надолго тебя хватит.

— Не начинай. У каждого своя нагрузка. Только моя работа хотя бы людьми уважается.

В комнате хлопнула дверь. Это Маша нарочно. Я увидела, как у мужа дёрнулась щека.

— Посмотри, что ты детям показываешь, — пробухтел он. — Вечно недовольная, вечно с лицом, будто тебе все должны. Ты бы хоть дома была женщиной, а не этой... забыл слово... лошадью ломовой.

Я медленно сняла с крючка полотенце, вытерла руки ещё раз, хотя они уже были сухими.

— Не при детях, — тихо попросила я.

— А когда? Тебя никогда нет. То там полы, то тут тряпки, то курьеришь. Ты в зеркало на себя смотрела? Какая из тебя юристка? Ты с людьми разговаривать не умеешь. От тебя самой усталость идёт.

Я не ответила. С этим я уже сталкивалась: если он заводился, ему был нужен отскок. Моя обида, слёзы, крик. Тогда можно было подняться ещё выше, обвинить меня в истерике, потом великодушно простить и наутро уйти чистеньким. Я молча убрала тарелку сына, вытерла стол, подала мужу хлеб.

После ужина муж ушёл в душ, потом вышел в джинсах и тёмном свитере. Настала его пора подрабатывать в качестве таксиста. Взял ключи от машины, телефон, спросил:

— Где моя зарядка автомобильная?

— В ящике.

— Нет её.

— Посмотри глубже.

Он нашёл, хмыкнул, надел куртку.

— Буду поздно.

— Угу.

— Дождись меня, покормишь, хотя бы яйца пожаришь.

— Мне рано вставать, сам пожаришь, — сказала, но уже знала, что дождусь и приготовлю.

И тихо ненавидела себя за это.

Он посмотрел на меня долгим взглядом и ушёл, громко хлопнув дверью.

Когда дверь за ним закрылась, квартира будто стала шире. Не счастливее, не легче. Просто шире. Воздух перестал сгущаться в коридоре.

Я развесила бельё. Проверила у Артёма рюкзак. Вырезала из картона кривые осенние листья, потому что настоящих в марте не было и никто в школе, видимо, не думал головой. Помогла дочери с английским. Поругалась с ней из-за телефона.

В десять сорок дети спали.

Тогда началась моя вторая тихая жизнь.

Я налила себе кружку крепкого чая, достала тетрадь и учебник, распечатанные статьи, села на кухне и открыла старый ноутбук. Мне надо было дочитать тему про режим совместной собственности супругов и подготовить краткий конспект к субботнему семинару. Ещё я хотела поправить резюме после сегодняшнего отказа. Убрать слово «горничная»? Заменить на «специалист по административно-хозяйственному сопровождению»? Я уже пробовала. Это выглядело жалко. Люди в кадровых отделах нюхом чувствуют, где человек выкручивается.

Я читала статью и вдруг поймала себя на том, что зависла, глядя в одну точку. Буквы расплывались. Шея не держала голову. В квартире было тихо, только на кухне тикали дешёвые часы и где-то у соседей сверху передвигали мебель. В такой-то час?

Встала, налила ещё кипятка, съела ту самую карамельку, которую утром дала женщина из башни у рынка. Сладость была липкая, детская, со вкусом клубники. На секунду я вспомнила бабушку. У неё в серванте всегда стояла вазочка с конфетами, и она ругалась, если я брала сразу две.

Глава 3

Бабушкина дача всплыла в голове так ясно, будто я сидела не в этой тесной кухоньке, а там, на старой веранде. Крашенный стол. Скрипучая кровать. Смородина вдоль забора. Именно ту дачу мы продали, когда решили брать квартиру. Муж тогда говорил правильные вещи: «Это вклад в детей», «Хватит мотаться по съёмам», «Надо думать о будущем». Я поверила. Дача была бабушкина, досталась потом маме, от мамы перешла мне. Первоначальный взнос лег на стол в банке как наш общий подвиг. Тогда я ещё не понимала, насколько ловко некоторые люди произносят слово «наш», когда им выгодно.

Я записала в тетради: «Личное имущество, внесённое в общее приобретение, может учитываться при разделе при наличии доказательств». И обвела слово «доказательств».

Каких доказательств? Расписки? Выписки? Договор продажи? Где всё это? В папке с документами на верхней полке шкафа, куда я залезала раз в полгода?

В одиннадцать двадцать пришло сообщение от однокурсницы: «Ты завтра на лекцию придёшь?» Я ответила: «Приду».

Потом полезла на сайт вакансий и начала отправлять отклики по кругу. Помощник юриста. Делопроизводитель. Специалист по договорам. Секретарь с юридическим образованием приветствуется. В одно место даже написала сопроводительное: «Готова начать с технической работы и быстро вникать в процессы. Высокая работоспособность, дисциплина, внимательность к деталям». Высокая работоспособность — это звучало прилично. Гораздо приличнее, чем правда: «Я давно живу так, что могу за весь день не присесть ни разу и при этом не сдохнуть».

Вдруг резануло глаза. Я выключила ноут, убрала учебники и тетради, и пошла в ванную, умылась холодной водой и посмотрела на себя снова. Вечернее лицо всегда было хуже утреннего. Утро хотя бы притворялось началом. Вечер был в разы честнее.

Когда я вернулась на кухню, в замке повернулся ключ.

Муж пришёл в половине двенадцатого. Слишком рано для удачной «подработки», слишком бодро для человека, который только что мотался по заказам после полного рабочего дня. Он зашёл, стряхнул с плеч влагу, снял ботинки.

— Спят?

— Да.

— Пожарь яйца.

Я молча разогрела сковороду, разбила два яйца и, когда он вышел из ванной уже в домашних трениках, поставила перед ним тарелку с глазуньей. Муж сел, ел быстро, успевая листать телефон.

— Сегодня мало вышло, — сказал он между делом. — Город мёртвый.

— Угу.

— Клиенты жадные пошли.

— Угу.

— Ты чего?

— Ничего.

Он отложил телефон.

— На собеседование ходила?

— Ходила.

— И?

— Ничего.

— Я же говорил. Там не ждут людей с улицы. Тем более после клининга. Ты лучше бы в отеле на старшую выбилась. Или прошла курсы на кассира и в магазине встала за кассу. Толку уж точно будет больше...

Я села напротив. Очень медленно, чтобы не хлопнуть стулом.

— Толку от чего именно?

— От реальных денег. И твоего маниакального желания стать юристом.

— Я приношу реальные деньги.

— Смешные. Ты сама это знаешь, - Слава сказал это с усталым терпением человека, которому приходится объяснять очевидное ребёнку.

— А ты свои деньги где держишь? — уточнила я, прищурившись. - Мне ты ни копейки не даёшь. Немного наличкой на продукты.

Он поднял глаза.

— Я плачу ипотеку и коммуналку вовремя.

— И думаешь, что этого достаточно?

— Янина, не выноси мне мозг ночью.

— Я просто спросила.

— Я тебе что, отчёт должен? Я пашу, решаю вопросы. Я машину содержу, кредитку гашу, ипотеку тяну. Ты бы без меня давно всё просрала.

Я посмотрела на его руки. Чистые ногти. Манжеты рубашки без складки. Телефон новый, купленный прошлой осенью. На заставке наш сын в куртке, улыбается без переднего зуба. Иногда внешне люди выглядят настолько семейными, что сами начинают в это верить.

— Я тоже тяну ипотеку, — возразила я.

Он фыркнул, не сочтя нужным даже ответить. Я встала, убрала его тарелку, стараясь не швырнуть её в стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.